

Глава 1

Встреча с сэром Генри Куртисом

Хоть я и дожил до почтенного возраста, но за перо берусь впервые. Не знаю, что из этого выйдет и хватит ли у меня терпения довести задуманное до конца.

Оглядываясь на свою бурно прожитую жизнь, я не устаю удивляться, как много она вместила событий и переживаний. Я слишком рано был предоставлен самому себе, и оттого мне порой кажется, что живу я давным-давно. Мои сверстники еще бегали в школу, а я уже был вынужден трудиться — торговать всякой всячиной в Старой Колонии. С тех пор чем только не приходилось мне заниматься! Я торговал, охотился, воевал, но лишь менее года назад стал богатым человеком. Теперь у меня громадное состояние — я и сам еще не знаю, насколько оно велико. Однако ради этого я ни за что не согласился бы снова пережить то, что мне довелось испытать, даже если б заранее знал, что все закончится благополучно. Вообще-то говоря, запросы у меня довольно скромные, я человек не тщеславный и не терплю никакого насилия. И, говоря откровенно, мне изрядно поднадоели всяческие приключения. Что до писания книг — это дело тоже не по мне; образования

у меня почти никакого, изредка почитываю Библию и разные истории...

И все же попытаюсь изложить причины, побудившие меня взяться за эту рукопись.

Во-первых, меня настоятельно просили об этом сэр Генри Куртис и капитан Джон Гуд. Кроме того, я, похоже, теперь надолго обосновался в Дурбане; заниматься мне все равно нечем, так как боли в левой ноге снова приковали меня к постели. Я мучаюсь ими с тех самых пор, как в нее вцепился тот проклятый лев. Уже зажившие было раны постоянно открываются, причем, как я убедился, ежегодно в одно и то же время. На своем веку я застрелил шестьдесят пять львов, оставшись живым и невредимым, и не досадно ли, что какой-то шестьдесят шестой измочалил мою ногу, как плитку жевательного табака!

Вдобавок у меня есть сын Гарри. Он — будущий врач, а пока работает в лондонской больнице; у парня хватает свободного времени, чтобы повесничать и бить баклуши. А я люблю порядок. И мне бы хотелось, чтобы Гарри познакомился с тем, что я пытаюсь здесь рассказать, — мне кажется, это будет удивительная и вовсе не скучная история. В ней нет ни любовных приключений, ни сентиментальных глупостей, а героями ее станут одни мужчины, за исключением разве что нежной Фулаты и зловещей Гагулы. Так что моему сумасбродному сынку совсем не повредит ее прочитать.

Однако не пора ли мне впрягаться в ярмо? Почва тут зыбкая, и у меня такое ощущение, что фургон моего повествования вот-вот увязнет в трясине по самую ось... И все-таки — с Богом! Берусь за перо!

«...Я, Аллан Квотермейн из Дурбана, джентльмен, приношу присягу и заявляю...»

Нет, пожалуй, показания в суде — не совсем подходящее начало для книги. И вообще, вправе ли я называть себя джентльменом? Вопрос не вполне ясный. Во всяком случае я им родился, хоть и был на протяжении всей своей жизни нищим торговцем и бродячим охотником. Да, мне приходилось убивать, защищая свою жизнь, однако я ни разу не запятнал рук невинной кровью. В мире много жестокости и низости; к сожалению, я сталкивался с этим постоянно. Я никогда не воровал, хотя однажды обманом выманил у некоего кафра целое стадо скота. И несмотря на то, что он тоже подложил мне изрядную свинью, я до сих пор чувствую угрызения совести...

Что ж, начну заново.

«...С тех пор как я впервые встретил сэра Генри Куртиса и капитана Джона Гуда, минуло около восемнадцати месяцев. Произошло это следующим образом. Во время охоты на слонов на Бамангвато дела никак не шли на лад, и в довершение всего меня свалила с ног жестокая лихорадка. Слегка окрепнув, я добрался до Алмазных россыпей, продал всю слоновую кость, что у меня была, вместе с фургоном и быками, рассчитался с чернокожими охотниками и сел в почтовую карету, направлявшуюся в Кейптаун. Там я прожил неделю в гостинице, где, кстати, меня обсчитали, и осмотрел все городские достопримечательности. Ботанический сад Кирстенбош, по моему мнению, прекрасен и приносит стране немало пользы, а знаменитое здание парламента, которое я тоже повидал, не произвело на меня никакого впечатления.

В Наталь я решил вернуться на пароходе «Данкелд». Судно стояло в доке в ожидании прибытия британского «Эдинбург Кастл». Я оплатил проезд и поднялся на паро-

ход вместе с пассажирами, которые в тот же день прибыли из Англии; мы снялись с якоря и вышли в море.

Уже на борту двое из вновь прибывших сразу привлекли мое внимание. Один был джентльменом лет тридцати — мне, признаться, еще ни разу не приходилось встречать мужчину такого богатырского сложения. Его красивое лицо с правильными чертами, обрамленное густой бородой, и серые, глубоко посаженные глаза излучали спокойствие и добродушие; густые волосы были цвета влажной соломы. Он чем-то напоминал древнего викинга-датчанина: глядя на этого великана, стоявшего у трапа, я представил, что если бы он немного отрастил волосы, надел стальную кольчугу, взял бы боевой топор или пиршественный кубок из турьего рога, то вполне мог бы сойти за героя давних времен. И, между прочим, странная вещь (как все-таки сказывается происхождение!): позже я узнал, что в жилах сэра Генри Куртиса — таково было его имя — действительно течет датская кровь. Вместе с тем этот человек напоминал мне кого-то еще...

Второй джентльмен, увлеченно беседовавший с сэром Генри, был слеплен совсем из другого теста. Я сразу же подумал, что он морской офицер. Не знаю почему, но моряков видно издалека. Мне приходилось с ними охотиться, и должен признать, что они чаще всего оказывались необыкновенно храбрыми и симпатичными людьми. Одно в них плохо: уж очень они любят сквернословить...

Вот я тут задавался вопросом: что такое истинный джентльмен? Отвечаю: это офицер Британского Королевского флота, хотя, конечно, и среди них иногда попадаются исключения. Причина, мне кажется, в том, что широкие морские просторы, опасность и свежие

ветры выдувают всяческую скверну из их душ, делая моряков настоящими людьми.

Но возвращаюсь к своему рассказу: я и тут оказался прав. Действительно, этот человек был морским офицером.

Прослужив во флоте ее величества семнадцать лет, неожиданно и вопреки собственному желанию, в полном расцвете сил и способностей, он был переведен в резерв в чине капитана с ничтожным жалованьем. Вот что, увы, порой случается с людьми с безупречной репутацией, которые преданно служат королеве.

Фамилия джентльмена была Гуд, капитан Джон Гуд. Выглядел он довольно оригинально: темноволосый, лет тридцати пяти, коренастый, плотного телосложения, капитан был чрезвычайно опрятно одет, тщательно выбрит, вдобавок с моноклем в правом глазу. Казалось, этот монокль врос в его глазницу, так как носил он его без шнура и вынимал только затем, чтобы протереть. Как я узнал позже, Джон Гуд, ложась спать, клал монокль в карман брюк вместе с вставными челюстями, которых у него было целых два комплекта. Но не только в этом заключались его странности... хотя не стоит забегать вперед.

Близился вечер, и погода неожиданно начала портиться. Пронзительный холодный ветер задул с суши, спустился густой туман с изморосью, и все пассажиры вынуждены были покинуть палубу. Наше плоскодонное судно было недостаточно нагружено, и его сильно качало — пару раз мне почудилось, что мы вот-вот перевернемся, но, к счастью, Бог нас миловал. Уйдя с палубы, я стоял у машинного отделения, где было гораздо теплее, и развлекался тем, что поглядывал на кренометр, висевший на переборке. Стрелка его не спеша

*По всей окружности пещеры рядами располагались
громадные белые колонны,
которые казались высеченными изо льда.*

*В два прыжка сэр Генри оказался рядом с ним.
— Силы небесные! — воскликнул он. —
Это же Джордж, мой брат!*